

Змеиный яд — лекарство от амбиций

О повести Анастасии Гостевой «Дочь самурая» мои старшие коллеги говорили разное: что сыrovата, что отчет о прочитанном умной девочки в приемлемой, хоть и экзальтированной форме потока мыслей. И тем не менее дебют 1997 года, премия журнала «Знамя» 23-летней выпускнице физфака МГУ.

Известно, что наибольшую силу зерно имеет в стадии прорастания. То, что написано Настей, нельзя назвать иначе, как густым экстрактом из чувств и переживаний моего поколения во временном срезе от семнадцати до двадцати. Это наше «Я», наш виртуальный паспорт. Таким образом, жизнь тех, кому за пятьдесят, чрезвычайно упростилась: лишь замаячит перед вами тень Базарова, принимайте «Дочь самурая» в час по чайной ложке. Вы поймете своих взрослых детей.

— Настя, каждый текст имеет свой уровень восприятия: чувственный, ментальный...

— Написав повесть, я поняла, что умерла и родилась заново. Та девочка получила прощение и отпущение грехов, и у меня появилась возможность жить дальше.

А когда я стала смотреть, как мои друзья читают, как реагируют, я поняла, что это своего рода змеиный яд: он может выделяться и в нужный момент служить лекарством. Люди воспринимали его как энергетический удар.

— Положительный или отрицательный?

— Я не отношусь к миру в терминах «плюс-минус». Кто-то плакал, кому-то становилось страшно. Более жесткие и философски настроенные воспринимали его как классную попытку создать определенную эстетику через литературу. Каждый на уровне мозгов находил свой вариант. Тело у каждого реагировало по-своему.

— Ты пишешь о сопливых интеллигентах, оплакивающих смерть литературы на званых посольских вечерах... Речь идет о людях старшего поколения?

— Их много. Москва — город с огромным количеством слоев. И если мы воспринимаем молодежь через культуру рейв, то это не рейв, а клубная культура. На литературных вечерах я встречаю мальчиков и девочек, моих ровесников, с типом сознания русского интеллигента, вечно беременного и не способного разродиться действием.

— Мне казалось, что это поколение людей как минимум тридцати-сорока лет...

— В основном да. Но бывает, что дети из герметичных, закапсулированных семей живут представлениями своих родителей.

С другой стороны, в моем поколении столько неструктурированной энергии, что все шалело. Есть возможность рано самоопределиться, но есть и огромное количество соблазнов, которые раньше были закрыты для России. Но во время путешествия в Индию у меня создалось ощущение, что кто-то, как в пробирке, выращивает совершенно новую расу с планетарным сознанием. Если ты читала Стругацких «Волны гасят ветер»...

— Скорее, это больше выражено в «Хромой судьбе».

— Ну да, эти дети, за одну ночь ставшие взрослыми...

Стругацкие были знакомы с Георгием Шедровицким, через семинары и тренинги этого философа прошли многие политики и бизнесмены нашей страны. Я попала во вторую волну. Так вот, эти два произведения — попытка отразить в литературной форме атмосферу, царившую внутри сообщества.

— С 14 лет ты пишешь стихи. Зачем тогда учиться на физфаке и работать риэлтером?

— Все очень просто. У отца два физических образования, он выращивал дочь, которая будет учиться на физфаке. Я знала об этом лет с четырех, участвовала в математических олимпиадах, занимала места. Физика формирует определенную способность аналитического мышления. Это дает возможность решить проблему в любой сфере деятельности.

Что касается работы — я не пыталась сидеть на кухне, говорить, что я непризнанный гений, денег у меня ни на что нету и весь мир мне должен. Еще Бродский сказал, что, помимо четырех стихий, есть пятая — деньги. Это сакральный аспект бытия. Творчества ради творчества не существует, и я пытаюсь ничего не отсекал от своей жизни, не «залипать» на чем-то одном, создавать систему противовесов. Для клиентов я просто Анастасия Гостева. Это сбивает спесь и гордыню.

У Набокова в лекциях по литературе есть фраза о том, что человека формируют три фактора: семья, среда и фактор икс. В качестве последнего физфак был хорош — он сохранил до сих пор старую школу отношений между преподавателем и студентом.

— Ты говоришь: мы, нынешние, должны задвинуть подальше наши амбиции. И начать что-то делать. И попытаться понять друг друга, и стать, как Будда...

— Есть сущность, и есть эго. Эго мешает найти свое предназначение и идти своей стезей.

Я никогда не ходила по редакциям, хотя иногда закрадывалась мысль — наверное, надо. Что-то удерживало, не пускало в эти тусовки, где все друг друга знают. Мне кажется, литература — лишь форма твоего внутреннего движения.

У Бубера есть замечательная притча о носочнике, над которым все смеялись, потому что он шел молиться в синагогу, даже когда там не было положенного собрания из трех человек.

И однажды в город приехал известный хасидский равви. Он позвал к себе носочника и спросил: «Как ты делаешь носки?». «Когда я делаю носки, я молюсь — это все, что я умею». И тогда равви объявил всем, что этот человек — один из столпов, на котором держится вера. Неважно, что ты делаешь, как это выглядит со стороны, — внутри ты открыт и движешься.

— Как ты отнеслась к полученной премии?

— Я прекрасно понимаю, что это большой аванс на будущее. Но это не было снегом на голову, после которого не можешь очухаться и возникает заикание. Я еще до премии знала, что в «Знамени» будут печатать еще один рассказ — «Закрывание Америки», в «Арионе» выходит подборка стихов. И знаменцы, давая премию, предполагали, что это не единственный сон, который мне приснился. Если бы не было чего-то написано, возникла бы паника — что же делать, ведь все будет чего-то ждать? Паники нет, жизнь идет, все происходит вовремя. За это я очень благодарна Богу, миру...

— Ты оставляешь впечатление гармоничного человека...

— Есть такой писатель-эмигрант Аркадий Ровнер. Через месяц после нашего знакомства он мне сказал: «Знаете, Настенька, вы выглядите настолько жизнерадостной и здоровой, что это здоровье меня напугало. Талант таким не бывает...».

Я очень хорошо знаю, что такое истерика, что такое страх. С 14 до 18 бывало, что я месяцами не вставала с постели. Это было странное существо, поправившееся на двадцать килограммов, которое в шестнадцать лет не могло дойти до угла булочной из-за слабости от антидепрессантов и нейролептиков. Потом я закончила экстерном школу и поступила на физфак МГУ; я научилась сама выстраивать свою жизнь. Меня здорово «прочистила» Индия. После нее была написана повесть «Трэвел агнец». Я поняла, что можно и нужно писать не из сожаления об утраченном, а от невозможности умолчать об открывшемся.

Поэтому «Дочь самурая» — вещь не столько дебютная, сколько завершающая тот этап. Я заканчиваю свою жизнь в клане — ухожу от родителей, я состригла свои двести африканских косичек. Настоящий дебют впереди.

Ирина БЖАХОВА.